

Земля отцов, прости мое несчастье,
Что смертна каждая моя строка.
Что я не смог, как тот безвестный мастер,
Воздвигнуть стену, что стоит века.

И все-таки надеюсь, что недаром
Я пел и ложью не позорил уст.
Что делать: рядом с вековым чинаром
Цветет недолго обреченный куст.

Мне сил и слов порою не хватает,
Написанного мной не длинен век,
Но разве оттого, что он растает,
Не должен падать на долину снег?

Пусть уцелеет что-нибудь едва ли
Изо всего, что я успел сказать,
Но по тропе, где скакуны скакали
И мулы шли, неся на спинах кладь,

Я видел: дров охапку еле-еле
Тащил старик, и немощен и бел,
Пусть без следа его дрова сгорели,
Но зимней ночью он детей согрел.

Я тоже падал на поля, бывало,
Как тот недолгий, обреченный снег.
Я тоже нес тепло, хотя и мало,
Как тот согбенный горец-дровосек.

1964

